

ДМИТРИЙ
СУХАРЕВ

Читая
жизнь

ДМИТРИЙ
СУХАРЕВ

*Читая
жизнь*

стихи

*Москва
Советский Писатель
1984*

Дмитрий Сухарев — автор многих стихотворных сборников. Естественная разговорная интонация, мягкая ирония, внимание к живым и выразительным подробностям жизни — вот характерные черты лирики Дмитрия Сухарева, представленной в его новой книге.

Художник ЕЛЕНА БОРЩАГОВСКАЯ

I. СВИТОК

СОРОК ДВА

Я лермонтовский возраст одолел,
И пушкинского возраста предел
Оставил позади, и вот владею
Тем возрастом, в котором мой отец,
Расчета минометного боец,
Угрюмо бил по зверю и злодею.

Отец мой в сорок лет владел брюшком
И со стенокардией был знаком,
Но в сорок два он стал, как бог, здоровый:
Ему назначил сорок первый год
Заместо валидола — миномет,
Восьмидесятидвухмиллиметровый.

Чтоб утвердить бессмертие строкой,
Всего и нужно — воля да покой,
Но мой отец был занят минометом;
И в праведном бою за волю ту
Он утверждал опорную плиту,
И глаз его на это был наметан.

И с грудой металла на спине
Шагал он по великой той войне,
Похрапывал, укутавшись в сугробы.

И с горсткою металла на груди
Вернулся он, и тут же пруд пруди
К нему вернулось всяческой хворобы.

Отец кряхтел, но оказался слаб
Пред полчищем своих сердечных жаб
И потому уснул и не проснулся.
Он юным был — надежды подавал,
Он лысым стал — предмет преподавал,
Но в сорок два — бессмертия коснулся.

★ ★ ★

Бремя денег меня не томило,
Бремя славы меня обошло,
Вот и было мне просто и мило,
Вот и не было мне тяжело.

Что имел, то взрастил самолично,
Что купил, заработал трудом,
Вот и не было мне безразлично,
Что творится в душе и кругом.

Бремя связей мне рук не связало,
С легким сердцем и вольной душой
Я садился в метро у вокзала,
Ехал быстро и жил на большой.

И мои золотые потомки
Подрастут и простят старику,
Что спешил в человеческом потоке
Не за славой, а так — ко звонку.

Что нехитрые песни мурлыкал,
Что нечасто сорочку стирал,
Что порою со лъстивой улыбкой
В проходной на вахтера взирал.

ПЕРЕУЛОК

В Мельничном, вблизи завода
Мукомольного, вблизи
Вечности — себя до года
Возрастом вообрази.

Все арыки перерыла
Жизнь, а ты войди по грудь
В тот же — после перерыва
В пятьдесят каких-нибудь.

Что такое пятьдесят
Лет, когда вокруг висят
Ветви те же, что висели
В прошлом веке и вчера?

Легче птичьего пера
Пыль, мучнистая сестра
Вечности и колыбели.

В Мельничном без вечной спешки
Время движется — вблизи
Вешки, от которой пешки
Устремляются в ферзи.

Времени протяжна нота,
Мелет мельница, и нет

Обреченности цейтнота,
Быстротечности примет.

Мама вынесла мальчика
В Мельничный, и нет конца
Вечности, и пыль мучниста,
Как цветочная пыльца.

Словно в саге романиста,
Время длится без конца.

ГДЕ СВЕРКАЮТ ЧИМГАНСКИЕ ГОРЫ

Сладострастная отрава — золотая Брич-Мулла¹,
Где чинара притулилась под скалою.
Про тебя жужжит над ухом вечная пчела:
Брич-Мулла,
                    Брич-Муллы,
                            Брич-Мулле,
                                    Брич-Муллу,
  Брич-Муллою.

Был и я мальчуган и в те годы не раз
Про зеленый Чимган слушал мамин рассказ,
Как возил детвору в Брич-Муллу тарантас —
Тарантас назывался арбою.
И душа рисовала картины в тоске,
Будто еду в арбе на своем ишаке,
А Чимганские горы царят вдалеке
И безумно прекрасны собою.

Но прошло мое детство и юность прошла,
И я понял — не помню, какого числа,—
Что сгорят мои годы и вовсе дотла
Под пустые, как дым, разговоры.

---

¹ Брич-Мулла — кишлак в предгорьях Чимганского хребта, примерно в 100 км от Ташкента. В Брич-Муллу и лежащий неподалеку поселок Чимган ташкентцы издавна выезжают летом, скрываясь от городской жары. Сейчас там сосредоточены базы отдыха, там же проводится традиционный Чимганский фестиваль самодельной песни.

И тогда я решил распрощаться с Москвой
И вдвоем со своею еще не вдовой
В том краю провести свой досуг трудовой,
Где сверкают Чимганские горы.

Мы залезли в долги и купили арбу,
Запрягли ишака со звездой во лбу
И вручили свою отпускную судьбу
Ишаку — знатоку Туркестана.
А на Крымском мосту вдруг заныло в груди,
Я с арбы разглядел сквозь туман и дожди,
Как Чимганские горы царят впереди
И зовут и сверкают чеканно.

С той поры я арбу обживаю свою
И удвоил в пути небольшую семью,
Будапешт и Калуга, Париж и Гель-Гью
Любовались моею арбою.
На Камчатке ишак угодил в полынью,
Мои дети орут, а я песни пою,
И Чимган освещает дорожку мою
И безумно прекрасен собою!

СТИХОТВОРЕЦ

Стихотворец — миротворец,
Мира стройного творец.
В этом мире тихой лире
Внемлют старец и юнец.

Стихотворец — громовержец,
Рифма — молний пересверк!
Он ее в колчане держит,
Он тирана ниспроверг!

Он и лучник, и борец,
Прямо скажем — многоборец,
Ратоборец! Ну, заборист!
Просто-напросто храбрец!

Стихотворец — эрудит,
Где он только не бывает!
Щец жена ему наварит
И детишек народит.

Не гляди, что сед и лыс!
Стихотворец кость обгрыз,
Замечанье сделал Уле
За качание на стуле.

★ ★ ★

Известно ль вам, что значит — жечь
Стихи, когда выходит желчь
И горкнет полость ротовая?

В такой беде играет роль
Не поэтическая боль,
А боль животная, живая.

Сжигает птицу птицелов —
Гори, прозренья! Сколько слов
Безвестно в пламени ослепло?

Известно ль вам, как стоек дым
Стиха — и как непоправим
Набросок в состоянии пепла?

Горят не рукописи — мы
Палим собой давящую тьму,
Себя горячим обливая.

И боль, которой мы живем,
Не поэтический прием,
Она — живая.

ПОДРАЖАНИЕ ЕСЕНИНУ

Гульзира, твое имя — цветок,
И, Востока традицию чтущий,
Я твой черный тугой завиток
Зарифмую с зирою цветущей.
Но узнать бы сначала пора,
Как цветет на Востоке зира.

Я исчислю цветок по плоду,
В семена ароматные вникну
И к такому ответу приду,
От которого горько поникну.
Гульзира, разве ведаешь ты,
Как печалят порою цветы.

Убежав от гудения пчел,
Я забыл про былую удачу
И пустыню цветам предпочел
И пустые глаза свои прячу,
Ибо горечью жжет, Гульзира,
То, что сладостью было вчера.

Гульзира, твои речи просты,
И от плеч твоих пахнет зирою.

Как горчат, как печалют порою
Эти запахи, эти цветы!
Дай лицо свое снова зарю
В эти запахи, эти цветы.

Оттого, что я с севера, что ли?..

ПРАЗДНЫЙ ДЕРЖА ЧЕРЕПОК

Если разбил пиалу, не горюй, поспеши на Алайский,
Жив, говорят, старичок — мастер искусный, уста.

Он осторожным сверлом черепки пробуравит — и в ямках
Скобок утопит концы, накрепко стянет фарфор.

Ай да мастак, вот кому говорить не устанешь спасибо!
Нет ли другого усты — сладить с напастью другой?

Я бы отнес на базар черепки тонкостенного счастья.
Где там — ищи мастеров!.. Сам, бедолага, потей.

Запах дома, запах дыма,
Горько-сладкий дым степной
Тонкой струйкой мимо, мимо —
Надо мною, надо мной.
Травки пыльной и невзрачной
Терпкий вкус
и вздох коня,
Потный конь и дым кизячный —
Детский сон, оставь меня.

Знаю, все необратимо,
Все навек ушло от нас —
Травки вкус
и запах дыма,
И мангал давно погас.

Я иной судьбы не чаю,
Я другого
                    не хочу,
Но так часто различаю,
Напрягусь и различу —
Различу сквозь дым табачный
Этой женщины изящной
Эти волосы копной,
Угадаю дым кизячный,

Пыльной травки вкус степной.
Тонкий стебель,
горький вкус.
Низкий вырез.
Нитка бус.

Все ушло, что было нашим,
Все навек ушло от нас.
И мангал давно погашен.
И мангал давно погас.

голос птицы

Пир удался, но ближе к утру
Стало ясно, что я не умру,
И умолкла воронья капелла;
И душа задремала без сил,
А потом ее звук воскресил —
То балканская горлинка пела.

Я очнулся; был чудно знаком
Голос птицы с его говорком,
С бормотаньем нелепых вопросов;
И печаль не была тяжела,
И заря желторота была,
И постели был краешек розов.

Там, в постели, поближе к окну
Дочь спала и была на жену
Так похожа, что, если б у двери
Не спала, раскрасневшись, жена,
Я б подумал, что это она,
А подумал: не дочери две ли?

Пировалось всю ночь воронью,
Воронье истязало мою
Небессмертную, рваную душу,
И душа походила на пса,
Что попал под удар колеса
И лежит потрохами наружу.

Но возникли к утру на земле
Голос птицы, тетрадь на столе,
И строка на своем полуслове,
И на девочке розовый свет,
И болезни младенческой след —
Шрамик, оспинка около брови.

Этот мир был моим — и знаком
Не деталью, а весь целиком,
И лепился любовью и болью,
И балканская птица была
Туркестанской — и оба крыла
Всё пыталась поднять над собою.

ДОРОГА НА ДЖИЗАК

Мартовский прозрачный саксаул
Радужно струится вдоль дороги.
Это кто ж там с провода вспорхнул?
Радуйся, что сойку от сороки
Отличаешь все-таки легко;
А шоссе струится вдоль бархана,
И осталась где-то далеко.
Эта *Pica pica bactriana*.

Из каких заброшенных пустынь
Памяти,
                    в которых мрак и стынь —
Крови стынь, окочененье крика,—
Нежная
                    проклюнулась латынь,
Имя птицы выпорхнуло — *Pica*?

Господи, позволь закрыть глаза
Без боязни в тот же миг увидеть
То, что вижу, лишь глаза закрою,—
Господи, позволь передохнуть.

Уведи сознание с полей
Памяти,
                    водицею залей,
Изведи в пустыне память ада.

Мозг жалею, а память не жалею,
Всей не надо, господи, не надо.

Сохрани мне разум, но не весь,
Дай не знать, не ведать этой муки,
Дай забыться — и остаться здесь,
Где слышны большой дороги звуки,
Где бежит дорога на Джизак,
И бежит, и радостно струится
Саксаул, и вспархивает птица
И пустыне дарит добрый знак.

ЛАСТОЧКА

Собиралась ласточка
Улетать на юг
И глядела ласково
На своих подруг —
На подруг, с которыми
Заниматься сборами,
И делить с которыми
Сотни верст пути,
И в пути с которыми
Разговор вести.

И ко мне наведалась
Поразмять крыло,
Щебетала весело,
Что на ум пришло:
«Ничего не ведомо,
Ничего не гадано
И ничто не задано
Наперед судьбой,
А проститься надо нам
Навсегда с тобой».

Увидала ласточка
Мой унылый лик
И сказала ласково:
«Не грусти, старик!
Не с добра приходится

За теплом охотиться,
Но порою сходится
И с горой гора.
Ты прости, как водится,
А теперь — пора».

Пожелал я ласточке
Всех заморских благ.
Это ты прости меня,
Коли что не так.
Не сойтись с горой горе,
Ты крутись в чужой жаре,
А я тут в своей норе
У зимы в плену
На своем родном дворе
Подожду весну.

ЛАВАНДА

«С детьми ходили за лавандой».
Наткнусь в блокноте на строку —
И яви отблеск лиловатый
Из тусклой глуби извлеку.

Вдоль озера, затем тропую
Вдоль склона, где термальных вод
Окаменелые покои,
Затем вдоль рощицы и вот
Под негустой древесной кущей
Залиловело, и запах
Цветок лавандулы, растущий
Не врозь, а в купках и снопах.

Давно заброшенных посадок
Остатки

        нежно расцвели
Средь рощ, где жив еще остаток
Давно разлюбленной земли.
Она размечена на цели,
Взрывчаткою начинена,
Но разве так на самом деле
Была задумана она?

Дыши,
        дитя,
                глазами хлопай

В Европе, пахнувшей Европой,
Лавандой, мятой, чебрецом,
Замри, дитя, перед лицом
Земли, где длительностью слога
Так пахнет смертная строка,
Как нежным запахом цветка
Жена разлюбленного бога.

★ ★ ★

В Древней Греции рожденных,
Вижу девушек в саду.
Их лукавые походки,
Их крутые подбородки
Мне опять сулят беду.

Их волос коварный груз
Неспроста тесьмою связан.
Не войти бы мне во вкус,
Девы древности, союз
С вами — противопоказан!

Я сражен, убит, усоп,
Вдавлен в русский свой сугроб
Легкой ножкой неземною.

Ах, зачем коварный сноп
Связан кожаной тесьмою!

ДЕКАРТ

По причине ветхости Завета
Не могла постичь Елизавета
Темных мест в законах бытия
И просила у него совета;
Он присвистнул: милая моя!..

Но в письме отвечивал учтиво:
Так и так, мол; никакое читиво
Не поможет, да и ни к чему,
Но туман рассеется на диво,
Если дело поручить уму.

Я не зря уму слагаю оду,
Книга застит, ум дает свободу,
Свет познания — промысел ума,
Ум всесилен, если знать метóду! —
Пусть княжна попробует сама.

— Что ж, начнем, — ответила Гаага;
Ах, была, была в княжне отвага!
Промелькнуло несколько веков,
Результат известен: ум-то благо,
Да благой порядок бестолков.

Нам совет дает мудрец наивный,
Но в орлянку царь играет гривной —

Где и что зависит от ума?
Ум бессилен, даже самый дивный,
Потому что властвует чума.

Но какое чудо — письма эти!
Так писал Рене Елизавете,
Как ни разу в жизни никому.
Не читайте старых писем, дети,
Не ищите помощи уму...

* * *

Оттого ли, что нынче фазаны
Дважды встретились мне на пути,
Я подумал про дикие страны,
Где фазану непросто пройти.

Там ни зайцу, ни утке не мило,
Там царит с незапамятных пор
Царь природы, угрюмый громила,
И в зайчишку стреляет в упор.

Что за червь его, сирого, гложет?
От какой он свихнулся тоски?
Почему допустить он не может,
Чтобы кряква жила по-людски?

Чтобы попросту, а не отважно
Выплывала в положенный час,
А за нею так стройно, так важно
Пять утят — мимо нас, мимо нас...

* * *

В Брянской области пески —
Это просто дар природы,
Так зыбучи, так легки!

Там стекольные заводы
С незапамятных времен
Понатыканы по дебрям.
На песочке мы вздремнем,
А комарика потерпим.

Вспомним, коли станет сил,
Про житее свое в Бытоши,
Там июль баклуши бил,
Да и мы с тобою тоже.

Это после началось —
Самолеты, свистопляска,
В Брянской области жилось
Без амбиций и без лязга.

Оттого-то и беда,
Что того песочку нету.

Может, сизнова туда
Завернем поближе к лету?
Вдруг да снова впереди
Глянет в стеклышко везуха!
В Брянской области дожди
Убегут в песок — и сухо.

* * *

Не то, что мнится мне,
Природа — ну и ладно!
Моя в моем окне
Пригожа и нарядна.
Ее рассудок здрав
(Хоть он, конечно, мним)
И крут порою нрав,
Но я ужился с ним.

С волной совмещена
Корпускула-частица —
И пусть! А мне волна
Совсем иною мнится.
И то, что о волне
У моря слышу я,
Куда важнее мне
Ученого вранья.

Так чем же хороша
Она, моя природа?
А тем, что в ней душа,
И тем, что в ней свобода.
Что это все вранье,
Я чую за версту,
Но — мнимую — ее
Немнимой предпочту.

ТЕАТР

Теперь уж поздно влюбляться заново
В нелепость жеста и пыль кулис.
Моей Актрисой была Бабанова —
Теперь уж поздно менять актрис.

Влюбленный отрок, в года невинности
Я рос за сценой. Теперь я стар.
Теперь я знаю, что значит — вынести
Свой крест, и возраст, и долг, и дар.

Я видел львицу, металл кусавшую,
Ей править миром хватало сил!
Она царила! — и часто с Сашею ¹
Была свирепа; он всё сносил.

Как прост и важен был жест Лукьянова!
Когда Ромео спускался в склеп,
Его котурны бесили Главного —
А я не видел, что он нелеп.

Люблю котурны! Хитон обтреплется,
А мы котурны возьмем в слова.
Театр — нелепость. И стих — нелепица.
И жизнь нелепа! И тем — права.

---

¹ Александр Павлович Лукьянов был многолетним партнером
М. И. Бабановой на сцене Театра Революции.

II. ГЛАВНЫЙ ТАШКЕНТСКИЙ ФОНАРЩИК

ФОНАРЩИК

Главный ташкентский фонарщик, предводитель ночных
возжиганий,
Резвому внуку Володе должность свою завещал.

Век закоптил фонари, стал стариком и Володя.
Следом состарился я, Володин единственный внук.

Век небеса закоптил, и на Новомосковской, в роддоме,
Мальчик родился, Филипп, внучек единственный мой.

Резво, Липуня, расти! Помни, что должность наследна:
Впрок фитили наострай, стекла учись протирать.

К ПОЭТУ С. ПИТАЮ ИНТЕРЕС

К поэту С. питаю интерес,
Особый род влюбленности питаю,
Я сознаю, каков реальный вес
У книжицы, которую листаю:
Она тонка, но тяжела, как тол,
Я семь томов отдам за эти строки,
Я знаю, у кого мне брать уроки,
Кого мне брать на свой рабочий стол.

Строка строку выносит из огня,
Как раненого раненый выносит,—
Не каждый эту музыку выносит,
Но как она врывается в меня!
Как я внимаю лире роковой
Поэта С.— его железной лире!
Быть может, я в своем интимном мире,
Как он, политрабатник фронтовой?

Друзей его люблю издалека —
Ровесников великого похода,
Надежный круг, в который нету входа
Моим друзьям: ведь мы не их полка.
Стареть им просто, совесть их чиста,
А мы не выдаем, что староваты,
Ведь мы студенты, а они — солдаты,
И этим обозначены места.

Пока в пекарне в пряничном цеху
С изюмом литпродукция печется,
Поэт грызет горбушку и печется
О почести, положенной стиху:
О павших, о пропавших и о них —
О тех, кто отстоял свободный стих,
В котором тоже родины свобода,—
Чтоб всяк того достойный был прочтен,
И честь по чести славою почтен,
И отпечатан в памяти народа.

Издалека люблю поэта С.!
Бывает, в клубе он стоит как витязь.
Ах, этот клуб! — поэтов политес
И поэтесс святая деловитость.
Зато в награду рею гордым духом,
Обрадованно рдею правым ухом,
Когда Борис Абрамыч С., поэт,
Меня порой у вешалки заметит
И на порыв души моей ответит —
Подарит мне улыбку и привет.

СТАРАЯ ПОЭТЕССА

Суверенной и гордой державе
Хорошо запускать дирижабли
На небесный шатер голубой.
Дирижабли слегка старомодны,
И не слишком они скороходны,
Но зато величавы собой.

Величаво умеет старуха
Собеседника слушать вполуха,
Но в последний пред запуском миг
Что-то шепчет стиху суеверно,
И уходит корабль суверенно
На просторы неизданных книг.

В горнем царстве поэзии русской
Аппарату работать с нагрузкой,
И нагрузка порой такова,
Что взрывается вся суверенность
И врывается в стих современность,
Недержавно ломая слова.

А сегодня на небе просторно,
У кораблика дивная форма,
Туч не слышно и милостив бог.
Всяк по-своему небо нарядит,
В нем и мой легкокрылый снарядик —
Мой бумажный ручной голубок.

ПРОЩАНИЕ С ПАРИЖЕМ

Напоследок — дурацкий круиз
По прелестной и грязной реке,
Вдоль прекрасных и грязных дворцов,
Мимо вечных каштанов.

Мы огнями врезаемся в ночь,
Потому возле наших бортов
Скачет свита в безумных лучах —
Мошки, мушки, букашки.

И безумные эти лучи
Вырывают из тьмы берега.
И немые своды мостов
Проплывают над нами.

А на стрелке того островка,
Где и я, было дело, сидел,
Там студенты в обнимку лежат —
Дети вечных каникул.

И безумные наши лучи
Вырывают студентов из тьмы.
И студенты, объятая разжав,
Слепо хмурятся свету.

Не буди, ослепление, дурь!
Не лети, мотылек, на огонь!

Не стреляй в меня, бедный студент,
Как пойдет заваруха!

Мой джинсовый нечесаный брат,
Мой суровый возлюбленный сын,
Обнимайся с подружкой своей,
Я проехал, проехал.

Отгорели дурные лучи,
Отгремел корабельный джазмен,
Лишь река все течет и течет —
И грязна и прелестна.

АЛЬМА-МАТЕР

Альма-матер, альма-матер —
Легкая ладья,
Белой скатертью дорога
В ясные края.
Альма-матер, альма-матер,
Молодая прыть,
Обнимись, народ лохматый,
Нам далёко плыть!
Вид отважный, облик дружный,
Ветер влажный, ветер южный,
Парус над волной.
Волны катятся полого,
Белой скатертью дорога —
Вечер выпускной.

Альма-матер, альма-матер —
Старый драндулет,
Над кормой висит громада
Набежавших лет.
Ветер грозный, век железный
И огонь задут.
Здравствуй, здравствуй, пес облезлый,—
Как тебя зовут?
Обними покрепче брата,
Он тебя любил когда-то —
Давние дела.
Пожелай совсем немного:

Чтобы нам с тобой дорога
Скатертью была.

Альма-матер, альма-матер,
Прежних дней пиры!
Не забудем аромата
Выпускной поры.
Лег на плечи, лег на плечи
Наш нелегкий век.
Обними меня покрепче,
Верный человек!
Видишь, карточка помята —
В лыжных курточках щенята,
Смерти — ни одной.
Волны катятся полого,
Белой скатертью дорога —
Вечер выпускной.

ИЗ ОТЕЧЕСКИХ НАКАЗОВ

Жениться, сын, женись,
Коль время подоспело,
Но только не ленись,
Ищи жену умело.
Старайся освежить
Подвянувшие гены,
Чтоб жить нам не тужить
Под флагом гигиены.

Татарка — вот огонь,
Не гены, а подарок!
Татарку пальцем тронь —
Останется огарок.
Голубит допьяна!
Воспряло б наше древо!
Обидно, что она
Не прочь гульнуть налево.

Бери жену позлей —
Полячку, для примера:
На нас, на кобелей,
Нужна крутая мера.
Красива и статна,
Не девка — королева!
Обидно, что она
Не прочь гульнуть налево,

Еврейка — вот душа,
Притом в уютном теле!
На кухне хороша
И ласкова в постели.
Роскошная жена —
Пленительная Ева.
Обидно, что она
Не прочь гульнуть налево.

Не знаю, как и быть...
А может, по старинке
Невесту раздобыть
В архангельской глубинке?
Вот счастье! — царство льна,
Стеснительная дева...
Обидно, что она
Не прочь гульнуть налево.

А впрочем, сын, пора
Оставить эту ноту:
Ведь глупо ждать добра
От брака по расчету.
Когда самой судьбой
Предъявится невеста,
Тогда само собой
Нам станет все известно.

ЛЕТНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Я детей своих отправлю
В направлении разлуки —
На черничку, на брусничку,
На все лето, на весь век.
Сам стопы свои направлю
В направлении науки,
У меня свободны руки,
Я свободный человек.

Я в науке вроде дядьки
Иль, верней сказать, наседки —
У меня чужие детки,
Все равны, как на подбор.
А моих лелеют тетки
И мои, как птички в клетке,
Иль, верней, как рыбки в сетке,—
Там калитка и забор.

За калиткой методички
Заполняют рапортички,
Промеж деток массовички
Вьются, вьются — не унять.
Все скандируют речевки
И штудируют текстовки...
Я сажу с учениками,
Силюсь истину понять.

Мы эвристику применим
При решении задачи,
Мы игрой воображенья
Схватим истину живьем.
И, покончив с делом этим,
Птичку-галочку отметим,
Проскандируем речевку,
Рапортичку пожуюм...

* * *

Не мне нанизывать на нить
Безликих чисел ожерелье,
Привык я более ценить
Наите и озаренье.

Да, я не верю в мощь числа —
Лишь чувству истина открыта!
С упрямством старого осла
На вкус оцениваю жито.

Зато с упорством муравья
Я верю в черную работу:
Знакомство с фактами, друзья,
Полезней чувствую, чем расчету.

Ведь факт имеет плоть, а плоть
Имеет плотность и фактуру.
Сумеем плоть перемолоть,
Глядишь, раскусим и натуру.

ЗАЯЦ БЕЛЫЙ

Заяц белый, куда бегал?

Считалка

Заяц белый, куда бегал,
Куда бегал, что искал?
Ты в столовке ли обедал,
Папки ль пухлые таскал?

Иль на базу овощную
Со товарищи ходил?
Или песню озорную
На гитаре выводил?

Зайцы спички зажигают,
Бреют уши хоть куда,
Горизонты раздвигают,
Воздвигают города.

Заяц — физик-теоретик,
Пиджачок его в мелу,
Он билетик на балетик
Робко просит на углу.

Заяц бедный и неловкий
И неблещущий красой,

Помнишь, бегал ты с морковкой —
Длинноухий и босой?
Для того ли, для того ли
Мама зайку родила,
Чтоб охотник в чистом поле
Нежно гладил два ствола?

ГДЕ ОНЕ!

Та литфондовская дама,
Что в пустой библиотеке
Попросила Мандельштама
И, смежив печально веки,
На ходу шепнула мне:
«Боже, боже, где оне —
Дни поэзии российской?» —
И тропинкою раскисшей
Побрела, прижав тома,
В корпус «А»,
сошла б с ума,
Кабы я бы в тот же миг
Ей ответил напрямик.

Я ж повел себя гуманно
И в ответ вздохнул туманно.

Что поделать, я не той
Жив страницей, а вот этой,
Не успевшей стать воспетой
И для вас — незолотой.
Младший сверстник мне учитель,

Старший — ран моих лечитель,
Пушкин — бог, а божий вестник —
Мой ровесник, мой ровесник.

И над горечью страницы
Я включу свою свечу
И одной отроковицы
Откровенья пошепчу.

А н Б

- А. Поэзия есть обнажение смысла посредством
движения звука.
Напротив, бессмыслицей ведают числа, и это зовется
наука.
Наука — мышинная, в общем, работа, подобье
машинного счета.
Но можно расправить и крылья и плечи простейшими
средствами речи.
- Б. Ах, всё наизнанку! Поэзия — это пустая истома поэта,
Потуга извлечь из мышинного бреда свое петушиное
кредо.
А корень извлечь — это вправду работа, подобье
машинного счета.
А крылья расправим и смыслы расчистим простым
сопряжением истин.

ПАМЯТИ М. И. ЧАЙКОВСКОГО

Как говорил Модест,
«Что наша жизнь? Игра!»

Он не чинил злодейств
И был мастак пера.

Он скромником назвался
И скромником остался,
Но много сочинений
Представил на Парнас.

Его неслабый гений
Подбадривал и нас.

* * *

Когда б не мошкара,
Писать бы до утра,
Прихлебывая кофе и зевая,
Стихи, потом доклад,
А в окна — влажный хлад
И крик сыча и пряность полевая.

Но нет, нельзя окна
Открыть, и суждена
Работа под дымок и треск поленьев.
Тогда уж лучше лечь,
Поглядывая в печь,
Тетрадочку пристроив на коленях.

Приляжешь тут! Тахта
Похожа на кота,
На коего уселась повариха:
Визжит и бьет ногой
И спину гнет дугой
И когти в плоть твою вонзает лихо.

Скорей на табурет!
Он печью подогрет,
Его девиз: да здравствует работа.
Писать бы до утра,
Прихлопнув комара,
Да что-то отчего-то неохота.

В запасе ход иной,
Надежный, запасной —
Стремительно в постель нырнуть
украдкой
И слушать в тишине,
Как где-то в стороне
Поет комар над девственной тетрадкой.

* * *

Бумажный лист — крахмальная простынка,
Ни пятнышка, ни стона, ни судьбы.
Когда б вы знали, как это постыдно:
На белый плат — да мусор из избы.

Больных стихов ревнительный читатель
Нам говорит: «Пожалуй, что-то есть.
Рука видна, и страсть видна, но, кстати,
Зачем опять задета наша честь?»

Ах, наша честь, она всегда задета —
Не смей пятнать червонное кольцо!
И в честь того, что мы всегда за это,
Сожжем стихи и сохраним лицо.

Сожжем! Кому всё это интересно?
Стихи всего лишь навсего слова,
А наша честь, она всегда права —
Правда, горда, болезненна, телесна.

ПОМНЮ, В ДОМЕ НА НЕГЛИННОЙ

Помню, в доме на Неглинной жили Визбор и Адель,
Дом был сумрачный и длинный, неуютный, как отель:
Дверь к начальнику культуры (он все время на посту),
А другая дверь к Адели, третья — вовсе в пустоту.

Оттого ль, что без начальства нам культурно жить нельзя,
Приходили очень часто на Неглинную друзья.
Гостя парочка встречала и к столу его вела,
И гитарочка звучала над клееночкой стола.

Пели чисто, жили просто — на какие-то шиши,
Было — жанра первородство, три аккорда, две души,
На Неглинной у Адели, где игрушки на полу,
Пили, ели, песни пели, дочь спала в своем углу.

А теперь живет богато Визбор, вечно молодой,
Не с Аделью, как когда-то, — с молодой кинозвездой.
До того мила-учтива, что на что уж я хитер,
А взглянул на это диво — только лысину утер.

Я присел на стуле чинно и услышал: «Ну, дела!
Адка, ай да молодчина, снова дочку родила!»

Родила —и взятки гладки! Если так, то все по мне,
Все в порядке: дочь у Адки, три аккорда, ночь в окне.

Нам, хозяйюшка, до фени, что рассвет ползет к окну,
Визбор бодро и без лени лапой дергает струну.
Плоть умри, душа воскресни, пой нам, Визбор, старый
дед,
Ведь от песенной болезни нам не выздороветь, нет.

из японской поэзии

Немолодым усталым поэтессам,
Что так страдают каждою строфою,
Молоденьких мужей послал господь.

КОГДА СТРОКУ ДИКТУЕТ ЧУВСТВО

Адель, падучая звезда,
Ты ярче прочих звезд горела,
Они мерцают постарело,
А ты умолкла навсегда.

Критерий истинности — смерть.
Адель, погибшее светило,
Тебя надолго не хватило,
А мы всё крутим круговерть.

Когда строку диктует страсть,
Она рабыню шлет на сцену.
Адель, какую платим цену
За счастье петь! —
Звездой пасть,
Сгореть, скатиться с небосвода.

Адель, какая несвобода,
Когда строку диктует страсть!

* * *

На стирку, приятель, на стирку
Стихами замаранный лист!
Сотри старой песни пластинку,
И диск будет заново чист.

Круши триумфальную арку,
Она отслужила свой срок!
На сломку, приятель, насмарку,
В растопку, в помойку, на свалку,
Золу заметай в уголок.

Старых богов растопчи,
Письма дотлеют в печи —
Старого скарба не жалко.

С неба свалилась звезда,
Друга свалила беда —
Есть и для этого свалка...

КОЛЯ

В простодушном царстве
Коли Старшинова
Проживают цапля,
Щука и корова.

За боркун, что Коля
Подарил под пасху,
Нацеди, буренка,
Молочка подпаску!

Колю звать к обеду,
Цапля, носом стучай!
А вести беседу
Станет он со щукой.

Щука все-то знает,
Там и сям служила,
У нее на зависть
Становая жила.

И у Коли тоже
Ни усов, ни жира,
Потроха, да кожа,
Да струною — жила.

Не ему ли гости
К совершеннолетью

Перебили кости
Пулеметной плетью?

Не его ли, Колю,
Все равно что плетью
Садануло болью
К тридцатитрехлетью?

Он живет неслабо,
Завязал до смерти,
Не страшны ни баба,
Ни враги, ни черти.

Над рекой избенка —
Деревца живые.
На дворе буренка —
Боркунок на вые.

Во саду ли щука
Надрывает глотку.
На ходулях цапля
Лихо бьет чечетку —

Под щукины частушки пляшет.

* * *

Сообщили, что умер поэт.
Вот уж не был чиновник!
Говорили, что он домосед,
Книгознатец, чаёвник.

Вот уж не был небесным певцом!
Легче в плотницкой роли
Представлялся, похожий лицом
На Платонова, что ли.

Говорили, что он нелюдим.
Сам-то знал он едва ли,
Как он нужен, как необходим.
Жил в каком-то подвале.

Так никто с ним и не был на «ты»
И не знал его близко.
Положу, как приеду, цветы
У его обелиска.

КОВЧЕГ

Ковчег нашего плавучесть
Лишь небу ведома, друзья,
И потому за вашу участь
Не поручусь, пожалуй, я.
Удастся ль нам над черной бездной
Достичь сухого очага
Иль, как железка-кочерга,
Пойдет на дно ковчег любезный —
Не знаю я. Но — в добрый час,
Входите, место есть для вас.

Вползай, улита. Муравей
Вноси свою хвоинку смело.
А ты, медведь, не стой без дела,
Ты муравья поздоровей.
Вели супруге, чтоб шакала
Сюда на борт не пропускала,
А сам набей семян из шишек,
Лохань со щуками тащи,
А также травы да хвощи,
Все это, право, не излишек.

Потоп! Когда бы знать заранее,
Мы впрок собрались бы давно.
А что, не взять ли нам герани,
Чтоб в доме ставить на окно,
Когда на склонах Арарата

Наладим свой начальный быт
И скажет кто-нибудь: забыт
Цветок и нету аромата...
Глядишь — герани тут как тут,
Стоят по окнам и цветут.

Добро пожаловать, печник,
На борт дощатого эсминца!
Располагайся — потеснимся,
Чай, собрались не на пикник.
Входите, труд и ремесло —
И серп, и молот, и лекало!
Следите только, чтоб шакала
Случайно к нам не занесло.
Шакал с личиною людской
По виду малый городской.

Своих от этих отличим,
Отсеем лица от личин
И, уличив, погоним вон,
А сами — в путь по воле волн,
А сами — в странствия лихие,
В потоп, сквозь ливня черноту.
Свои бы были на борту,
А там — бушуй, реви, стихия.

ДЕНЬ ПОЭТА

В день хороший, выплатной,
Тихо очередь топталась
И сочувственно шепталась,
К цели двигаясь одной.

«День поэзии» платил
Тем, кто скромно воплотил
Свои дни и свои ночи
В его пламенные строчки.

Канитель была проста:
Всяк вошедший в помещенье
Без тревоги и смущенья
Занимал конец хвоста.

То, что с кровью наравне,
То, что высижено задом,
Напечатанное рядом,
По одной идет цене.

Мой родной кичливый цех!
Где еще увижу всех
В единении сердечном?
Разве, на похоронах...

Что за чудо-альманах —
Мориц рядом с Поперечным.

И, подобный алтарю,
Свет в окошечке светился,
И никто не суетился,
Я вам точно говорю.

И ушедших в мир иной,
Отслуживших этой жиле,
Тени вежливо кружили
В день хороший, выплатной.

* * *

Из деревьев нравится орешня;
Иногда случалась полоса,
И лежал я под орешней лежмя
Во блаженстве целых полчаса.

Из занятий нравится беседа
О грядущем, сущем и былом —
Чтоб не ради сельди и десерта
Собирались гости за столом.

Под орешней стол могу поставить,
На столе кувшин соорудить,
Одного мне только не представить —
Как бы всех под кроной рассадить?

Как бы всех, кто душеньке по нраву,
Разместить за дружеским столом,
Чтобы нам беседовать на славу
О грядущем, сущем и былом.

* * *

Вот поэты той войны,
Сорок первого сыны:
Пишут внятно и толково.

Вслед за этими и мы,
Опаленные умы:
Дети пятьдесят шестого.

А за нами — никого?
Поколенья — никакого?

Так, наверно, не бывает,
Ихней роты прибывает,
Кто-то нас перебивает —
Поприветствуем его.

МНЕ ВАЖНО НИЧЕГО НЕ РАСТЕРЯТЬ

Мне нужно одиночество, как дот,
В котором я могу уединиться
От времени,
От временных забот:
Бетонный склеп и узкая бойница.

Бетонный свод и тоненькая щель.
Я к ней прильну и вдруг увижу цель —
Цель жизни
Или просто жизнь без цели,
И пиршество,
И слезы на пиру.

Я оптику туманную протру
Полой шинели.

И если повезет, то я тетрадь
Заполню до последнего листочка.
Мне важно ничего не растерять,
Нужна глухая, замкнутая точка.

Бетонный свод — и луч издалека.
И счастлив тот, кто не познал пока
Проклятья,
Кто еще не одиночка.

III. У ПОДНОЖИЯ ЧЕРНОЙ ГОРЫ

ПРЕДМЕТ ПОЭЗИИ

Все пишут заграничные стихи.
Я тоже мог бы себе это позволить.
У меня бывало почище вашего.

Скажем, так:
Накручиваем
Виражи черногорского серпантина
В полугрузовичке по кличке Микси.
Ночь.
В кузове акулы.
Надо следить, чтоб они не подошли.

Вы скажете: «Акулы экзотичны,
Но в них нет предмета поэзии».
Позволю себе с этим не согласиться:
Молоденькие акулки весьма милы.

Что ж, и в серпантине нет предмета поэзии?
Если так, то вам просто неведом Звонко,
Которому все нипочем, ибо он успел
побывать

Не только черногорским партизаном,
Но и черногорским министром культуры.
Звонко,
Особенно когда ему ударит в голову
Дивный шум черногорского ливня (шутка),
Несколько переоценивает свои шоферские
возможности.

И я у смерти на краю
Та-та та-та и жизнь свою
Измерил взглядом отстраненным.
И в ней та-та та-та вполне,
Как в черной пропасти на дне...
И т. д.

Полуволчок по кличке Микси
Вынесло не к той обочине,
Где твердь срывается к уровню моря,
А к той,
Что устремляется к уровню неба.
В этом была большая везуха и, уверяю вас,
Большой предмет поэзии.

Честно говоря, случалось и кое-что
поинтересней,
Но про это лучше помалкивать.

ЧЕРНЫМИ ГОРАМИ

А мне красться не судьба
Черными горами,
Не студить чумного лба
Черными ветрами,
Ни при звездах и луне,
Ни под черной тучей
Не толкать ладонью мне
Двери нескрипучей.

Ничего мне не понять
На высоком ложе,
Поцелуем не унять
Чьей-то дивной дрожи,
Не цепляться за плечо
На краю обрыва —
Отчего так горячо?
Отчего счастливо?

Не срывался я, хмельной,
В пустоту обвала,
Ничего того со мной
Сроду не бывало,
Не бывало до сих пор
И не будет случай —
Не бывает черных гор,
Двери нескрипучей.

И не снится мне обрыв
Прямо с кручи горной,
Где сидит, глаза прикрыв,
Старый ворон черный;
Старый ворон, черный вран —
Все он ждет, зевая,
Пока вытечет из ран
Моя кровь живая.

ГОЛОС СЫНА

Я голос Петруши услышал во сне:
«Алло»,— говорил он лукаво и густо.
Проснулся — светает, и в комнате пусто,
Чужая страна в одичалом окне.

Я сел за работу, чтоб сердце прошло,
А сердце про что-то неловко стучало,
И ставнею ветер стучал одичало,
И лампа горела.
И дело пошло.

СТАРЫЙ ГОРОД

В старый город, в старый город
Въезд машинам запрещен.
Забреду я в старый город
С аппаратом за плечом.
Закуплю открытки-марки,
Подивлюсь на старый хлам,
Аппарат старинной марки
Наведу на старый храм.

Горы, каменное диво,
С трех сторон стоят стеной.
Кручи гор да гладь залива
За стеною крепостной.
Как на фоне этой глади
Розы пышные цветут!
А когда-нибудь в осаде
Люди сиживали тут.

Кто в осаде, кто в засаде,
Сверху грохот, сзади гром:
Будто тигры в зоосаде —
За стеною да за рвом.
Без досады справлю тризну
По драчливым тем годам
И беспечному туризму
Предпочтение отдам.

Ты лежи, моя открытка,
В старом ящике на дне,
Ты ползи ко мне, улитка,
По старинной по стене.
Старый город, старый камень
И харчевня «Старый ром».
Что-то пишет старый парень
Притупившимся пером.

Я СМОТРЕЛ НА ГОРЫ

Я смотрел на горы, видел кручи,
Видел блеск холодный, слюдяной.
На дорогу с гор сползали тучи,
Люди шли, здоровались со мной.

Колокол наполнил котловину,
Как в былые, длинные века.
«Жизнь прошла почти наполовину»,—
Вдруг из гула выплыла строка.

Я смотрел, смотрел — не обольщался,
Возвращаться вновь не обещал
И, когда здоровался,— прощался,
Недостатки мелкие — прощал.

Мелкие, большие неудачи
Отпускал печально и светло.
Все-таки две трети, не иначе,
Даже больше, видимо, прошло.

Элегантный, в позе элегичной
Я стоял, в раздумье погружен.
Только вдруг узрел свой лик двуличный
И, узрев, подумал: «Ну, пижон!»

И явилось мне, как в озаренье,
Царство у подножия хребта,

И припомнил я, что у царевны
Будет ночью дверь не заперта.

И, не написавшись, подверсталась
К той чужой строке строка моя,
Понял я, как много мне осталось,
Как хочу вернуться, понял я.

Не прощусь и царства не отрину,
Не покину тех, кого люблю,
Я вернусь и в горы и в долину
И опять любви не утолю.

Не приму прощаний и прощений,
Ждет меня, как пьяницу загул,
Круговерть ущелий и расщелин,
Головокружение и гул.

ПЕРЕД ТЕМ КАК УЕХАТЬ

Перед тем как уехать,
Я дал свой блокнот несмышленишу Анне,
И на каждой странице,
Вернее, почти на каждой,
Анна изобразила
Некий магический знак —
Закорючку
В развороте другой закорючки.

Перед тем как вернуться,
Я случайно заметил,
Что вокруг ее закорючек
Разрослись закорючки мои.

Я мог бы писать иначе,
Но не мог иначе писать,
Потому что магический знак, начертанный
Анной,

Помещен в середину страницы,
В глубину моего существа,
В тесноту моей подлинной веры,
В то тайное место,
Куда выпадают слова,
Словно соль в пересохшем лимане.

ПРИВЕЗЛИ ТУРИСТОВ

Полдень. Привезли в отель туристов —
Медсестер, текстильщиц, трактористов;
Друг за дружку держатся слегка,
Потому — похожи на хористов:
Скажем, хор районного ДК.

Первые, допустим, голоса
Местную торговлю укрепили:
В первые же, скажем, полчаса
По складному зонтику купили.

А вторые голоса пошли
Укреплять здоровье под лучами
И в шезлонгах дружеской земли
Тоннами фотоны получали.

Ужин. Так бы нам всегда и жить —
И обслужат нас, и не обложат.
Прочих спросят, что им положить,
Этим — что положено положат.

Взял баварец светлого пивка,
Сок техасец, колу алабамец.

Славный хор районного ДК
Наблюдал за этим, улыбаясь.

Полночь, тишина. Альты с басами
Сны себе показывают сами,
Но и полночь не ослабит уз:
Третьи голоса под небесами
Укрепляют связи братских муз.

КУПЛЮ ТЕБЕ ПЛАТЬЕ

Куплю тебе платье такое,
Какие до нас не дошли,
Оно неземного покроя,
Цветастое, недорогое,
С оборкой у самой земли.

Куплю тебе, кроме того,
Кассеты хорошего звука,
Кассетник включить не наука,
И слушай и слушай его.

Но ты мне скажи: отчего,
Зачем эти тяжесть и мука?

Зачем я тебя и детей
Так тяжко люблю и жалею?
Какою печалью болею?
Каких содрогаюсь вестей?
И холод зачем неземной
Меня неизменно пронзает,
И что мою душу терзает —
Скажи мне, что это со мной?

С обложкой весеннего цвета
Куплю тебе модный журнал,

Прочтешь три-четыре совета,
Нашьешь себе платьев за лето —
Устроишь себе карнавал.

С оборкой у самой травы,
С оборкой у желтой листвы,
С оборкой у снега седого.

С оборкой у черного льда...
Откуда нависла беда?
Скажи мне хоть слово, хоть слово.

СТАРЫЙ КРАБ С ЖЕНСКОГО ПЛЯЖА

Полдень был нетороплив,
За отливом был прилив,
И земля приопустилась.

Небо цвета спелых слив
Над горою примостилось.

Белый лайнер из Анконы,
На ходу будя прибой,
Попирая все законы,
Шел по небу вниз трубой.

Девки цвета спелых дынь
На борту глотали дым.

Вечер был нетороплив,
За приливом был отлив,
Океан приопустился.

Краб, который припостился,
Поспешил закончить пост —
Занял свой дозорный пост.

Старый краб, не чуждый блажи,
Занял пост на женском пляже.

Говорят, у них на дне
Девки голые в цене.

ОТЕЛЬ «ФЬОРД»

Истомился я, пес, по своей конуре,
Истерзался я, лис, по вонючей норе,
Не обучен я жить вхолостую.
В свиминг-пуле ¹ бабули ногами сучат,
Фрайера в полподвале шарами стучат,
А я трезвый на койке бастую.

Я на койке лежу и гляжу в потолок,
Я мотив всенародный мычу, как телок,
Такова моя нынче платформа.
А на баб не гляжу, берегу божий дар,
А то жахнет меня с непривычки удар,
И оставлю лисят без прокорма.

Порезвился я, хрыч, да пора и к теплу.
Поизвелся я, сыч, по родному дуплу,
По сычатам своим и сычихе,
Хорошо, что в кармане билет до Москвы,
Вот мотив домыху — и умчался, а вы
В свиминг-пуле ногами сучите!

---

¹ Плавательный бассейн.

В ДОБРОТЕ¹

В Кóторской Дóброте кошка — и та
Ловит рыбешку на кончик хвоста,
Ах, до чего терпелива!
Кот окунает в залив коготки,
Даже котята — и те рыбаки,
Весело им у залива.

В час, когда ветер в горах несварлив,
В Доброте тих и приветлив залив,
Тих, маслянист и зеркален.
Что ж, пожелаем удачи коту,
Может, удачу — не эту, так ту —
Нынче и мы заарканим.

В Доброте быстро сгущается тьма,
Влажной Венецией пахнут дома,
Дворики, двери, балконы.
Весело рыбку из мрака извлечь,
Весело слышать славянскую речь
В полувершке от Анконы.

В полупарсеке от милой родни
Хвост окунуть в ручеек болтовни
И подцепить с полуслова:
«Блажо, куда ты?» — «А я на причал:
Кот, понимаешь, совсем одичал,
Кит бы не съел рыболова!»

---

¹ Пригород г. Котор (Черногория, СФРЮ).

НИКОЛА ДЕЛИТСЯ ОПЫТОМ

15 апреля в районе Черногорского Приморья произошло разрушительное землетрясение.

Из газет

Запомни: едва затрясется скала
Ты чашечку кофе хватай со стола —
Промедлишь, а к ней не вернуться!
Качайся, поглядывай зорко кругом,
И если кусками повалится дом,
Попробуй от них увернуться.

Нет дела глупее, чем мчаться во двор:
Ведь камни на город посыпятся с гор;
Безумство — бежать на дорогу.
На буйство стихии взирай свысока,
Не дрогнула б чашечка, то есть рука,
А там — как-нибудь понемногу.

Теперь начинается самый содом —
И стоны, и крик, и пылица столбом,
И все принадлежности ада.
Запомни: опасна потеря лица!
Глоточками кофе допей до конца,
Потом уже действуй как надо.

ИЗ ДНЕВНИКА

Вчера впервые взял отгул
От электродов и акул —
Да и пуста аквариалка.
Работы нет, душа пуста,
Вчера мне стукнуло полста,
К тому ж вообще акулоч жалко.

Вчера мне стукнуло полста.
Приехал президент ЮНЕСКО.
Его приветствовал народ,
Пока до городских ворот
Он шел. Какая-то брюнетка
(Не городская ль голова?)
Читала в микрофон слова,
А я стоял в толпе зевак.

Вот тут-то добрые соседи
И объявили мне в беседе,
Что этот день зовется так:
День Мертвых. Славно! Прямо в лоб.
И угораздило ж родиться.
Нет, братцы, этак не годится.
(«Ковчег» же, между прочим,— гроб.)

Под вечер, лежа на боку,
Варился в собственном соку,
Боюсь, что соку был излишек.
Когда совсем не стало сил,
Таблеткой праздник закусил.
Не привезли ли акулишек?

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

У подножия Черной Горы
Старый город закрыт до поры,
В новом городе тоже несладко:
То фургончик жильем, то палатка,
То ненастье, а то комары.

Где стояла гостиница «Фьорд»,
Груда тверди осталась на глади —
Видно, грунт оказался нетверд.
В этом «Фьорде» не меньше тетради
Исписал я стихами в тоске.
Впредь наука: не строй на песке.

Старый город, он стар для наук,
Сколько б глыб над башкой ни нависло.
Стар и я постижением мук
Исправлять понимание смысла.
И отчетливо видится мне.
Рана-трещина в старой стене.

Под навесом растресканных скал
Человек ковыляет в тиши,
Для обломков бессмертной души
Выполняющий роль катафалка.
Бранко — вот кто действительно сдал!
Бранко вовсе развалиной стал —
Руку жмет, улыбается жалко.

Пусть гора не сойдется с горой,
Но руины приходят к руинам.
Мы виток перед Черной Дырой
Совершим в хороводе едином.
Мы возьмем на последний виток
Черногорский осенний цветок.

КАТЮША

А студентки из Белграда спели мне «Катюшу»,
Они спели мне «Катюшу» и спасли мне душу.
А погромче пела Бранка, а почище Нада,
А я сам сидел на стуле, подпевал где надо.

И, как лодочки, поплы́ли под луною страны
Оттого, что над рекою поплыли́ туманы.
Ах, «Катюша»! Из райцентра у нее словечко,
А мотивчик из местечка, где живет овечка.

Там живет овечка Рая, ей двадцатый годик,
И, на скрипочке играя, старый Моня бродит.
А в районе нету Мони, никакого Мони,
Там играет дядя Федя на своей гармони.

И под скрипочку с гармошкой под большой луною
Все плывет большая лодка за моей спиною.
Мы за лодочку за нашу опрокинем чашу,
А пока святое дело — осушить за вашу.

Спойте мне еще разочек, и опять красиво!
А сойдете мне за дочек — и на том спасибо.

Одесную сядь, Катюша, а налево — Рая,
А я с чашей посередке, словно в центре рая.

Ах, не все еще пропало, нет, не все пропало,—
Я скажу тому, кто в жизни понимает мало.
А тому, кто в этой жизни понимает много,
Я скажу: «А вы, товарищ, не судите строго!»

IV. АИОИ

* * *

Ударю в чурку звонкую —
Отскочат три лучины.
Сложу дрова избенкою —
Прискачут три дивчины:
Одна — жена красивая,
Другая — псина сивая,
А младшенькая — Анна,
Как май, благоуханна.

Пока в небесной кузнице
Куют грома и бурю,
Погрейтесь, девки-узницы,
А я побалагурю.
Садись, царица верная,
Ложись, дворянка нервная,
Залазь, моя царевна,
К папане на колено.

Швырну щепоть заварочки,
Подбавлю кипяточка.
Сомлеют три товарочки,
Не сделавши глоточка.
Вздохнет моя законная,
Зевнет сучонка сонная,
А младшенькой, Анюте,
Угнездиться б в уюте.

Поправлю в трех берложицах
Три байковых тряпицы.
Три сна, едва уложатся,
Увидят три девицы.
Одна — любовь запретную,
Другая — кость заветную,
А младшенькой, Анятке,
Пригрезятся щенятки.

САМОЛЕТИК

Целовались в землянике,
Пахла хвоя, плыли блики
По лицу и по плечам;

Целовались по ночам
На колючем сеновале
Где-то около стропил;

Просыпались рано-рано,
Рядом ласточки сновали,
Беглый ливень из тумана
Крышу ветхую кропил;

Над Окой цветы цвели,
Сладко зонтики гудели,
Целовались — не глядели,
Это что там за шмели;

Обнимались над водой
И лежали близко-близко,
А по небу низко-низко —
Самолетик молодой...

* * *

В японском странном языке
Есть слово, хрупкое до боли:
Аиои.

В нем сухо спит рука в руке,
В нем смерть уже недалеке
И нежность в нем — не оттого ли?

А в странном русском языке
Есть выражение: пуд соли.

И двое съели соли пуд,
И одолели долгий путь,
И все сыграли роли.

А если двое — я и ты,
Так это вдвое теплоты.
Переругаемся — и в путь
И без согласных как-нибудь
Свой пуд беззубо дождем,
Глядишь, вдвоем и доживем:
Аиои!
Аиньки-оиньки!

ЗИМНЕЕ УТРО

Своих забот свободный раб,
Я просыпаюсь оттого,
Что некто вежливо сопит
И — лапы на постель.

Своих страстей кабальный князь,
В рубаху лезу, торопясь,
А некто прыгает, рычит
И рвет носки из рук.

Не вижу логики совсем
В твоих поступках, друг:
Ведь не пойду же я босым
Выгуливать тебя!

Который час? Рассвет завяз.
Темно. Поземка. Нет семи.
А некто палочку нашел
И просит: отними!

Побегаем! Туда-сюда,
И полчаса прошли уже,
Зато на пятом этаже
Тепло и желтый свет.

Там кофеварочка фырчит
И чайник песенку поет,

А некто больше не рычит
И любит всю семью.

Ах, двух минут недостает,
Чтоб перемолвиться словцом!
Прощайтесь, милые, с отцом,
Слугой своих свобод.

Надежды вольные рабы,
Теперь помчимся кто куда,
Лишь некто дома будет ждать —
Чего? — вечерних игр.

ИСПОЛНЯЕТСЯ С ГИТАРОЙ

Пробки выьем, дружно выпьем
За союз молодых сердец!
Натали опять брюхата,
И не с краю моя хата —
Ай да Пушкин, ай да Пушкин,
Ай да Пушкин молодец!

Метража у нас негусто,
Гаража не нужно мне,
У меня в кармане пусто,
Но в душе большое чувство
Восхищения супругой,
Уважения к жене.

Пожалел бы поп Никита
Обручальных нам колец,
Жизнь моя была б разбита,
Я попал бы под копыта
И настал бы, и настал бы,
И настал бы мне конец.

Погоди, разбогатеем —
Богатеем стану вдруг,
Напишу лихой сценарий —
И тогда твоих стенаний
Не услышу, не услышу,
Не услышу, милый друг.

* * *

Остерегись говорить о любви,
Остановись у последнего края,
Низкое солнце висит, догорая,
Длинные тени за нами легли.

Тени тягучие — дней череда,
Цепи гремучие давних событий,
Не разорвать их и не позабыть их —
Не говори о любви никогда.

★ ★ ★

Должен где-то быть и рай,
Если где-то ад.
Поскорее загорай,
Приезжай назад.
Совместим свои тела —
Чтоб к щеке щекой.
Подари чуть-чуть тепла —
Поделюсь тоской.
Ведь чужое не свое,
Поноси ее,
Пусть меня хоть полденька
Не грызет тоска.
Привези мне южный сад,
Безмятежный край.
Если есть на свете ад,
Значит, есть и рай.

НЕБО

Небо на свете одно,
Двух не бывает небес.
Мне-то не все ли равно,
Сколько на свете невест?
Ты мне на свете — одна
С давнего дня до седин.
Ты мне, как небо, дана,
Чтобы я не был один.

Грянет пустая тоска —
Вот я и снова в пути.
К морю уходит река,
Чтобы дождями прийти.
Стынет река подо льдом,
Чтобы очнуться в тепле.
Я покидаю твой дом,
Чтобы вернуться к тебе.

Ты мне — как небо земле:
Влага, и свет, и тепло.
Много ли проку в зерне,
Если оно не взошло?
Лопнут весной семена,
К небу потянутся в срок!
Ты мне, как небо, дана,
Чтобы тянулся как мог.

* * *

Ай какое было чувство —
Упивался, уповал!

Было чувство, стало пусто,
Все убито наповал.

Пусто, пусто, моя радость,
Скучно, ветрено в груди,
И такая хлещет храбрость,
Что хоть гоголем ходи:
Хоть в князя, хоть в Соловки —
Все пустые пустяки!

Будто белую рубаху
На прощаньице надел,
Будто голову на плаху
Бряк! — и в небо поглядел.
Глянул в небо прямо с плахи —
В нем ни ангела, ни птахи.
В рай ли, в ад ли — однава!
Покатилась голова.

ПЕСЕНКА

О сладкий миг, когда старик
Накрутит шарф по самый нос
И скажет псу: «А ну-ка, пес, пойдем во
дворик!»

А во дворе идет снежок,
И скажет псу: «Привет, дружок!» —
Незлобный дворник, дядя Костя, алкоголик.

У дяди Кости левых нет доходов,
Зато есть бак для пищевых отходов,
Зато у дяди Кости в этом баке
Всегда найдутся кости для собаки.

Я рассказать вам не могу,
Как много меток на снегу,
Их понимать умеет каждая собака.
Над этой лапу задирает
Боксер по кличке Адмирал,
А здесь вот пинчер — мелкий хлыщ и задавака.

Мы дружим со слюнявым Адмиралом,
Он был и остается добрым малым,
А пинчера гоняли и гоняем
За то, что он, каналья, невменяем.

Увы, бывают времена,
Когда, криклива и дурна,

Во двор выходит злая дворничиха Клава.
Она не любит старика,
Она кричит издалека,
Что у нее на старика, мол, есть управа.

Нам дела нет до бабы бестолковой,
Но к ней гуляет Вася-участковый,
И Вася вместе с ней не одобряет,
Когда собачка клумбу удобряет.

Как хорошо, о боже мой,
Со стариком идти домой,
Покинув двор, где ты как вор и правит злоба.
Старик поближе к огоньку,
А пес поближе к старику,
И оба-два сидим, и радуемся оба.

Старик себе заварит черный кофеи,
Чтоб справиться с проблемой мировой,
А пес себе без всяких философий
Завалится на лапы головою.

ВОЗЛЮБИ ДЕТЕЙ И ЩЕНКОВ

И мы возлюбили детей и кутят —
Своих, и приبلудных, и всяких,
И стало не страшно, что годы летят,
Что тает и тает косяк их.

На ясельном фронте у Анны успех,
У Кусаря новая миска.
Блажен, кто блажен от любовных утех,
От мелкого вяка и визга.

Дыми, наш дредноут, по скользким волнам,
Неважно, что грязно и тесно,
А важно, что все это нравится нам,
Что все это чисто и честно.

Качайся, пока океан незлобив,
На радость зверюгам и детям!
И петь вознамерились мы, возлюбив
Друзей, приходящих за этим.

И, в песню войдя, возлюбили людей,
Когда они люди как люди,
И весело стало от этих идей
В посудине тесной, в каюте.

А то, что блаженство пройдет без следа,
Так это не новость, ей-богу.
Не тронь, кого любим, нужда и беда,—
Людей позовем на подмогу!

ОСЕНИНЫ

А когда хлеба созрели,
Когда яблони родили,
Мы застольем проводили
Все, что встретили в апреле.
Где межа зимы и лета,
Там печальницы осины
От души плеснули цвета —
Осенины, осенины.

А вторые осенины
Бабым летом улыбнулись,
Носом в зеркальце уткнулись
И ресницы подсинили.
И, опомнившись, мужчины
Теплых женщин обнимали,
Их смущению внимали —
Осенины, осенины.

А на третьи осенины
Осенили мысли роем:
Не дадим любви в обиду,
Под снегами не зароем!
И, услышав крик совиный
В темной чаще, в самой гуще,
Мы огонь раздули пуще...
Осенины, осенины.

ПИСЬМО

Забудусь райским сном
Средь ангельских полей
Над ангельским письмом
Возлюбленной моей.

В том ангельском письме,
В тот давний Новый год
Меня в своей тюрьме
Возлюбленная ждет.

О, как бы я хотел
Ворваться в дом пустой,
Я вихрем бы взлетел
По лестнице крутой —

Припасть к твоим ногам,
Мой ангел во плоти:
Прости меня, прости!
Прости меня, прости!

Попросим у небес —
Нам прошлое вернут.
Ах, времени в обрез,
Осталось пять минут.

Нальем с тобой вина,
Включим с тобой Москву,
И будет все не так,
Как было наяву.

Я свой прачечный номер ни к кому не ревную,
Мне женою «Снежинка», а любовницей «Чайка».
Приношу от крикливой свою ношу земную,
И носки на веревке — моих ласточек стайка.

Мои щеки в морщинах, как обшлаг из-под пресса,
Хомуты жестяные мою шею дубили,
Мне химчистка принцесса и столовка принцесса,
И биточки с гарниром меня не убили.

И когда, относившись, обмыт и оплакан,
Я расстанусь навек с этой ношей земною,
На крахмальной сорочке, под холодным атлантом,
Мой пять — два — сорок девять ляжет в землю со
мною.

КОНЕЦ СЕЗОНА

Когда кончается сезон удачи...

Юрий Визбор

Собака, мы с тобой одни,
И не для нас свои огни
Москва ненастная зажгла,
Москва пустая.
Где наши солнечные дни?
Где наша стая?

Когда кончается сезон —
Сезон удачи, есть резон
Всему на свете предпочесть
Тебя, собака,
И это общество почести
За честь, за благо.

Ты просто рядом полежи,
Сезон предательства и лжи
Открыт, а нам и дела нет,
И лучший довод —
Оставить вырубленным свет
И вырвать провод.

У телефона пасть нема,
Ненастье ломится в дома,
Но мы снесем с тобой, снесем
Свой долг собачий,
Когда кончается сезон —
Сезон удачи.

★ ★ ★

Верил я в свою фортуна,
Начиная новый день.
Выплывать назло тайфуну
Вечно было мне не лень.
Был я легким и проворным
На вселенском сквозняке,
Потому что плыл по волнам
Я с соломинкой в руке.

Столько силы придавала
Мне соломинка моя,
Что я плыл куда попало,
Хоть бы в дикие края.
И, бывало, забедую,
Запускаю пузыри,
А в соломинку подую —
И я вот он, посмотри.

Не прелестница подружка
И не умница жена,
Мне другое в жизни нужно —
Мне соломинка нужна.
Только с ней на этом свете
Все сбывалось и сбылось.
Видно, дело просто в цвете
Тех соломенных волос.

• • •

Уйдем избыток боли
Остатком доброй воли,
Забудем все упреки,
Поступим в первый класс,
Где нам дадут уроки
Те двое погорельцев,
Что жили здесь до нас.

Любовная наука —
Немыслимая мука
Для мыслящих голов.
Уйдем избыток мыслей
Остатком добрых слов.

Ведь кое-что осталось
От старых постояльцев
Из утвари и снеди
И прочего старья —
Остаток мелкой меди,
Избыток бытия.

Остались ты и я.

ЛЮБИ МЕНЯ

Люби меня, целуй меня в тоске
За то, что мир висит на волоске,
За то, что мир, тобою населенный,
Так сладостен и так необъясним,
Что каждый раз робею перед ним,
Как в первый раз теряется влюбленный.

Люблю тебя — и чушь твою и суть,
Шепчу тебе одно и то же: будь!
О, будь со мной, мне ничего не надо,—
Не мне ль удача выпала во всем?
Люби меня, и мы себя спасем,
Не уводи блуждающего взгляда!

Сезон удачи кончится скорей,
Чем грянет залп, пугая сизарей,
И в шуме крыльев брызнет кровь на стену..
За то, что жизнь висит на волоске,
Прижмись ко мне, расслышь меня в тоске,
Не дай беде прийти любви на смену!

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Две женщины проснулись и глядят —
Проснулись и глядят в окно вагона.
Две женщины умылись и сидят —
Друг дружку наряжают благосклонно.

Две тайны примеряют кружева,
Им так охота выглядеть красиво!
Одна из них пять платьев износила —
Она пять лет на свете прожила.

Одна пять лет на свете прожила
И повидала разного немало.
Другая — пять смертей пережила
И пятый свой десяток разменяла.

Две ясности, две хитрых простоты
Играют в дурачка на нижней полке,
А сам дурак лежит на верхней полке,
Заглядывая в карты с высоты.

Там на заход валетик желторотый,
Там на отбой четыре короля,
Там козырями черви под колодой,
Там за окном летучая земля.

И карты сообщают так немного,
И так земля летучая легка,
И так длинна, так коротка дорога,
Что можно спать, не слушая гудка.

V. ВСПОМНИТЕ, РЕБЯТА

ВСПОМНИТЕ, РЕБЯТА

Вспомните, ребята, поколение людей
В кепках довоенного покроя.
Нас они любили,
За руку водили,
С ними мы скандалили порою.

И когда над ними грянул смертный гром,
Нам судьба иное начертала —
Нам, непризывному,
Нам, неприписному
Воинству окрестного квартала.

Сирые метели след позамели,
Все календари пооблетели,
Годы нашей жизни как составы пролетели —
Как же мы давно осиротели!

Вспомните, ребята,
Вспомните, ребята,—
Разве это выразить словами,
Как они стояли
У военкомата
С бритыми навечно головами.

Вспомним их сегодня всех до одного,
Вымостивших страшную дорогу.
Скоро, кроме нас, уже не будет никого,
Кто вместе с ними слышал первую тревогу.

И когда над ними грянул смертный гром
Трубами районного оркестра,
Мы глотали звуки
Ярости и муки,
Чтоб хотя бы музыка воскресла.

Вспомните, ребята,
Вспомните, ребята,—
Это только мы видали с вами,
Как они шагали
От военкомата
С бритыми навечно головами.

«ЗА ОТВАГУ»

Почернела отцова медаль,
Превратившись в предмет старины,
С той поры, как навек отрыдал
Дикий ветер великой войны.

Оттого, что не дышит ребро
Возле тыльной его стороны,
Почернело навек серебро,
Превратилось в предмет старины.

Нынче некому бляху носить,
В коробчонке чернеет она.
Нынче некого даже спросить,
За какую отвагу дана?

У какого такого села,
Положившись на память мою,
Полегла, полегла, полегла
Минометная рота в бою?

Погубил! Про запас не спросил —
Молодая была голова.
Никаким напряжением сил
Не воротишь отцовы слова.

Почернел героический миф,
Погрузился в последнюю тьму,
Где, последний окоп раздавив,
Черный танк растворился в дыму.

«СПАСИБО ОТЦУ

Спасибо отцу, не погиб
На гибельной, страшной войне.
А мог бы погибнуть вполне.

Спасибо отцу, не пропал,
Лопаткой себя окопал,
Мозгами, где надо, раскинул,
Ногтями, что надо, наскреб —
И выжил. Не сгинул, не сгинул.
И каску надвинул на лоб.

И чести своей не предáл,
И славы солдатской отведал,
И мне безотцовщины нé дал,
Хлебнуть этой доли — не дáл.

А что не досталось ему
Прямого
                  в окопчик
                                 снаряда,
За это спасибо не надо,
За это спасибо — кому?

ПЕСЕНКА ПРО ХУДОЖЕСТВЕННУЮ СТРИЖКУ

Когда пошел я в первый класс,
В тот самый год, в ту пору
Костюмчик был в семье у нас,
И был отцу он впору.
Отец к нему, отец к нему
Проникнут был заботой,
С потертых сгибов бахрому
Он стриг перед работой.

Я кончил школу, выбрил пух
И преуспел в науке,
А мой отец, как вечный дух,
Носил все те же брюки.
Он по ночам писал, писал
Учеными словами,
А по утрам мундир спасал —
Мудрил над рукавами.

Еще не знали мы тогда,
Что можно жить иначе,
Что это бедные года,
А будут побогаче.
Как жили все, так жили мы,
И всем штанов хватило,
И эта стрижка бахромы
Отца не тяготила.

Стригаль стрижет своих овец,
Рантье стрижет купоны,
А что стрижет он, мой отец? —
Сюртук и панталоны.
Костюмом надо дорожить:
Отгладь его, отчисти,
И будет он тебе служить,
А ты служи отчизне.

ПУТИНКИ

Помню Страстной монастырь,
Кинотеатр «Палас»,
Пушкин в ту пору стоял
Вовсе не там, где сейчас.
Помню, стоит неживой
И не поднимет руки,
Глядя поверх мостовой
На Путинки, Путинки.

На Путинках, Путинках
В мареве утренних лет,
Как на лепных потолках,
Тени струились и свет.
Помню огромность окна,
Света и теней струю.
Восемь семей, как одна,
В том коммунальном раю.

Помню ту кухню в чаду,
Тех керосинок слюду,
Много в квартире жильцов,
Восемь одних лишь отцов.
Мало в квартире добра,
А на асфальте двора —
Мы, коммунальный приплод,
Родины нашей оплот.

В кинотеатр «Палас»,
Помню, водили и нас,
Помню, ходили с отцом,
Пушкин был темен лицом.
Будто сто лет — не сто лет,
Плюнул свинцом пистолет —
И покачнулся отец,
И усмехнулся Дантес.

Лента крутилась во тьме,
Свет проникал во дворы,
И оседали в уме
Правила взрослой игры.
Правила те — пустяки!
Вот и возникли стихи,
Правилам тем вопреки
Про Путинки, Путинки...

ПОЧТАЛЬОНКА

— Почтальонка, почтальонка,
Тяжела ль тебе сума?

— Тяжела моя сума.
Все газеты да газеты,
Дотащу ли их сама...

— Почтальонка, почтальонка,
Далеко ль тебе тащить?

— Тяжела моя сума.
Все журналы да журналы,
Стопудовые тома.

— Почтальонка, почтальонка,
Обошла ли все дома?

— Обошла я все дома,
Разнесла газеты-письма.
Тяжела моя сума.

— Почтальонка, почтальонка,
Ты снимай свою суму.

— Не могу снимать суму.
Там на донце похоронка —
Не могу читать, кому.

Похоронка, похоронка,
Серый камень на груди,
Стопудовый на груди.
Говорила баба Настя:
В почтальонки не ходи...

СВЕРСТНИКУ

Судьба нам с тобой досталась одна,
Одною нас метой метило,
Одним нас ковшом черпнула война
И сонных швырнула в месиво.
И выпала нам святая страда,
И грела она овчиною,
И общая боль
Нас гнула тогда,
И звали ее — Отчизною.

Был горек нам хлеб, и сон был не всласть,
И беды росли над бедами,
Но жгла нас одна великая страсть,
И звали ее — Победою.
Мы звали ее, тоскуя по ней,
И знала душа голодная,
Что нету твоей
И нету моей,
А есть лишь одна, народная.

Что выпало нам, осталось при нас,
Осталось святым и праведным,
И каждый в свой срок получит приказ:
Ногами вперед — и к прадедам.
Нас примет земля, не зря же на ней
Могилы стоят солдатские —
И нету твоей,
И нету моей,
А есть только наши, братские.

НОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Стенограмма трибунала,
Лиховетию — предел.
В стенограмме грому мало,
Дым зато глаза проел.
Вдоволь дыма, вдоволь чада,
Что там чудится сквозь чада?
Это — дети, это — чада
Стонут и кровоточат.
Отчего сегодня вдруг
Все в глазах одна картина —
В сером кителе детина
Рвет дитё из женских рук?

Фотография на вклейке —
За оградой, как в клетке,
Люди-нелюди сидят,
Все гляделками глядят.
Геринг с кожей отвислой,
Кальтенбруннер с рожей кислой,
Риббентроп как жердь прямой —
Что с них спросишь, боже мой?
Что им дети? Что им мать
Обезумевшая? Что им
Наши села с бабьим воем?
Им бы губы поджимать.

Темен, темен их закон,
Темен, как очки на Гессе,
Ну загнали их в загон,—
Что им грады? Что им веси?
Это сколько ж надо спеси,
Чтоб детей швырять в огонь?

Том закрою, тихо встану,
Напою водицей Анну,
Одеяльце подоткну.
Про войну читать не стану,
Подышать пойду к окну.

Анна

в память бабки Анны
Анною
наречена.

На земле от бабки Анны
Только карточка одна.
Бабка в час великой муки —
Хлебца в сумку, деток в руки,
А себя не сберегла:
Умирала за Уралом,
Было бабке двадцать с малым,
Чернобровая была.

Не дождались Анну деды:
Оба деда до Победы
Дотрубили в битве той;
Только жить им трудно было,
Знать, война нутро отбила —
Под одной лежат плитой.

Есть у Анны мать с отцом —
Разве мало? Кашу сварим,

Отогреем, отоварим,
Не ударим в грязь лицом.

Ночь пройдет. В начале дня
В ясли сдам свою отраду,
Анна вскрикнет, как от яду,
Анна вцепится в меня.

Не реви, скажу, Анюта,
Твое горе не беда,
Твоя горькая минута
Не оставит и следа.
Сделай милость, не реви,
Сердца бедного не рви.

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Все васильки, васильки...

А. Апухтин

Мой дед Володя Павлов
Великий был актер.
Неправда, что Качалов
Володе нос утер.
Хоть Качалова из МХАТа
На руках народ носил,
Зато дед поверх халата
Нарукавники носил.
Любому ль по плечу
Одежка счетовода?
А в ней-то вся свобода —
Читаю что хочу!

Мне было десять лет,
И выше всех наград
Мне было, чтобы дед
Промолвил:

«Я вам рад.
Откиньте всякий страх
И можете держать себя свободно,—
Я разрешаю вам.
Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно».

И мрак военной сводки
Куда-то отступал,
Когда под рюмку водки
Мне дед стихи читал.
И балахон Володин
Меня не угнетал:
Был дед душой свободен,
Осанкой — благороден,
А голос густ и плотен —
То бархат, то металл.

И я себя держал
Свободно
и дрожал,
Гусиной кожей впитывая строки.

И помню до сих пор
Тот васильковый взор
И те свободы первые уроки.

ГДЕ ВЕТРЫ

Кладбищенской службы машины
Бегут по шоссе с ветерком
Туда, где скупые аршины
Отвел москвичу исполком.

Последний рубеж распорядка,
Замри над окопчиком, гроб.
Да нет, не окопчик, а грядка —
Какой-нибудь сеять укроп.

«Прощайтесь!»
Простились как надо,
И трудное дело с концом.
Теснит уж другая команда —
Заняться своим мертвецом.

Как тягостен путь этот длинный
Обратно!

Как плац этот гол!
Но глянь, над подсохшею глиной
Воздвигнут всамделишный стол.

На столике, чистом от пыли,
И хлеб, и лучок молодой,
И видно, что тут не забыли
Делиться с ушедшим едой.

Не знаю, языческий, что ли,
Иль нынешний это обряд?
Поставлен покойнику столик.
Стоят эти столики в ряд.

Должно быть, ночью порою
Выходят жильцы посидеть,
И всяк над своею дырою
Нехитрую трогает снедь.

Они рассуждают резонно,
Что благодать прольется и тут:
Здесь будет зеленая зона,
Когда деревца подрастут.

И, в эти резоны вникая,
Обидой себя не травми.
Была теснота, и какая,
А прожили век по любви.

Нас тоже со временем спишут,
И близится время к концу.
Кто знает,— даст бог, и пропишут
На этом же самом плацу.

На наши законные метры,
К таким же, как мы, москвичам,
Где ветры гуляют, где ветры
Так пахнут Москвой по ночам.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

1. Тиф

Как в тылу глубоком, в тыловой глуши,
У пустынь под боком, в городе Карши
Умирала мама от тифозной вши.

Бредила-горела, и в бреду таком
Распевала-пела тонким голоском,
Истлевала-тлела, плакала тайком.

А в тылу глубоком, а в тылу
В сыпняке лежали на полу,
А в тылу в ту пору голодали.

Ни родных, ни близких — ни души,
Но в Каршах, но в городе Карши
Моей маме умереть не дали.

Кто они и где теперь они,
Люди, обеспечившие тихо,
Что живет положенные дни
Мама, умиравшая от тифа?

Железнодорожные огни,
Железнодорожная больница...
Надо бы хоть нынче поклониться.

Формовал нас, как глину, и ангелы
нашего сонма,
Просыхая под солнцем, все больше
являли цемент.

Я умел по-узбекски. Я купался
в украинской мове.
И на идиш куплетик застрял,
как осколок, во мне.
Пантюркизмы и панславянизмы и все
горлопанства, панове,
Не для нас, затвердевших до срока
на дворе, на великой войне.

Застарелую часть да хранит круговая
порука!
Не тяните меня, доброхоты мои, алкаши,—
Я по-прежнему там, где, кружась
и держась друг за друга,
Люди нашего круга тихонько поют
от души.

3. Менуэт

Ах, менуэт,
менуэт,
менуэт,
К небу взлетающий, будто качели!
Ах, эта партия виолончели!
Годы минуют, а музыка — нет.

Мамка доходит в тифозном бреду,
Папка в болоте сидит с минометом,
Я, менуэт раздраконив по нотам,
С виолончелью из школы иду.

Гордо гремят со столба имена,
Золотом полнится ратная чаша,
Встану, как вкопанный:

бабушка наша!
Бабушка наша — при чем тут она?

Чем же ты, бабушка, как Ферапонт ¹,
Обогатила наш фонд обороны?
Что за червонцы,
дублоны и кроны
Ты отдала, чтобы выстоял фронт?

Бабушка скалкою давит шалу,
Дует в шалу, шелуху выдувая,
Тут ее линия передовая —
Внуков кормить в горемычном тылу.

Бабушка,
пальцы в шале не таи,
Имя твое прогремело по свету!
Нет перстенька обручального, нету —
Знаю я, бабушка, тайны твои!..

...Что за война с тыловой стороны,
С той стороны,
где не рыщет каратель?
Все же — скажу про народный характер
И про народный характер войны.

---

¹ Ферапонт Головатый — саратовский колхозник, имя которого в годы Великой Отечественной войны приобрело большую известность в связи с тем, что он отдал государству все свои личные сбережения, став одним из зачинателей движения по сбору средств в фонд обороны.

Долго длилось мгновенье, и мы, пацаны,
В океане людском в океан тишины
Перелили до капли свою.

Будешь фильм пересматривать — лучше смотри:
Это мы, это Малая Дмитровка, 3,
Это я там в народе стою.

СОДЕРЖАНИЕ

I. С в и т о к	
Сорок два	3
«Бремя денег меня не томило...»	5
Переулок	6
Где сверкают Чимганские горы	8
Стихотворец	10
«Известно ль вам, что значит — жечь...»	11
Подражание Есенину . . .	12
Праздний держа черепок .	14
«Запах дома, запах дыма...» .	15
Голос птицы . . .	17
Дорога на Джизак	19
Ласточка .	21
Лаванда	23
«В древней Греции рожденных...»	25
Декарт	26
«Оттого ли, что нынче фазаны...»	28
«В Брянской области пески...» .	29

«Не то, что мнится мне...»	31
Театр	32

II. Главный ташкентский фонарщик

Фонарщик	33
К поэту С. питаю интерес .	34
Старая поэтесса	36
Прощание с Парижем .	37
Альма-матер . .	39
Из отеческих наказов	41
Летняя элегия .	43
«Не мне нанизывать на нить...» .	45
Заяц белый	46
Где оне?	48
А и Б	50
Памяти М. И. Чайковского	51
«Когда б не мошкара...»	52
«Бумажный лист — крахмальная простынка...» .	54
Помню, в доме на Неглинной	55
Из японской поэзии	57
Когда строку диктует чувство .	58
«На стирку, приятель, на стирку...»	59
Коля	60
«Сообщили, что умер поэт...»	62
Ковчег	63
День поэта	65
«Из деревьев нравится орешня...»	67
«Вот поэты той войны...» . . .	68
Мне важно ничего не растерять	69

III. У подножия Черной горы

Предмет поэзии	70
Черными горами	72
Голос сына	74
Старый город	75
Я смотрел на горы	77
Перед тем как уехать	79
Привезли туристов	80
Куплю тебе платье	82
Старый краб с женского пляжа	84
Отель «Фьорд»	85
В Доброте	86
Никола делится опытом	87
Из дневника	88
Осенние цветы	89
Катюша	91

IV. А и о и

«Ударю в чурку звонкую...»	93
Самолетик	95
«В японском странном языке...»	96
Зимнее утро	97
Исполняется с гитарой	99
«Остерегись говорить о любви...»	100
«Должен где-то быть и рай...»	101
Небо	102
«Ай, какое было чувство...»	103
Песенка	104

Возлюби детей и щенков	106
Осенины	107
Письмо	108
5249	109
Конец сезона	110
«Верил я в свою фортуна...»	112
«Уйдем избыток боли...»	113
Люби меня	114
Две женщины	115

V. Вспомните, ребята

Вспомните, ребята	116
«За отвагу»	118
Спасибо отцу	119
Песенка про художественную стрижку	120
Путинки	122
Почтальонка	124
Сверстнику	125
Ночные чтения	126
Первые уроки	129
Где ветры	131
Четыре стихотворения о военном детстве	
1. Тиф	133
2. Двор	134
3. Менуэт	135
4. Мгновенье	137

Сухарев Д. А.

Р 2 Читая жизнь: Стихи.— М.: Советский писатель, 1984.— 144 с.

Дмитрий Сухарев — автор многих стихотворных сборников. Естественная разговорная интонация, мягкая ирония, внимание к выразительным подробностям жизни — вот характерные черты лирики Дмитрия Сухарева, представленные в его новой книге.

4702010200—099

С ————— **227—84**

083[02]—84

С91

Дмитрий Антонович Сухарев

ЧИТАЯ ЖИЗНЬ

М., «Советский писатель», 1984, 144 стр.
План выпуска 1983 г. № 227

Редактор Е. Л. Храмов

Худож. редактор Д. С. Мухин

Техн. редактор Ф. Г. Шапиро

Корректор С. И. Крягина

ИБ № 4260

Сдано в набор 02.09.83. Подписано к печати 27.02.84. А 02440. Формат 70×108^{1/32}. Бумага мелованная. Журнальная рубленая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,30. Уч.-изд. л. 3,87. Тираж 20 000 экз. Заказ № 642. Цена 55 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

55 коп.

